

Сергей Мезин

Французское исследование о Петре Великом*

Sergey Mezin

(Saratov State University, Russia)

French Research on Peter the Great

DOI: 10.31857/S2949124X23050127, EDN: OXJPVN

Профессор Сорбонны Франсина-Доменик Лиштенан, уже зарекомендовавшая себя как крупный знаток истории России XVIII в.¹, опубликовала новую монографию по истории петровского времени. После издания в 2011 г. популярной книги о Петре I она завершила работу над научной биографией русского царя выпуском солидного (почти 700 страниц) тома «Пётр Великий. Первый император Всероссийский». Его перевод с изменённым названием «Пётр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи» вышел в 2021 г. и стал, вероятно, самым весомым научным вкладом зарубежного историка в юбилейную литературу, появившуюся в канун 350-летия Петра I.

Русское издание, как отмечает автор, «немало отличается от первоначального французского текста». Наиболее заметное отличие — отсутствие в русской версии предисловия, где в сжатом виде представлен авторский взгляд на Петра I и его эпоху. Собственно, эта авторская позиция и реализована на страницах книги, но она оказалась как бы растворена в море фактов. Не стала ли острота и смелость авторских суждений причиной устранения первоначального предисловия, заменённого рекомен-

дательным предисловием А.С. Лаврова и Д.А. Редина? Что хотела сказать автор своим французским читателям?

Символическая картина петровского царствования представляется ей в виде святочного карнавала с участием членов «Всешутейшего и всепьянейшего собора» и самого царя, передвигавшегося по улицам Москвы на огромном фрегате, влекомом 16 лошадьми, — зрелища, причудливо соединявшего в себе «грубую стихийность, уходящую корнями в древние традиции, западноевропейскую театральность, не лишённую утончённости, и провокационное богохульство» (р. 12). Народные волнения, массовое дезертирство, коррупция и скандалы в высших кругах омрачали эпоху, в то время как услужливые пропагандисты превозносили царя до небес. Сам царь беспутной жизнью, пьянством и непредсказуемыми поступками постоянно приводил в недоумение и народ, и иностранных наблюдателей. Неустанный работник, Пётр модернизировал страну и создал могущественную империю, но оставался варваром, сформированным московитским прошлым. Его реформы не имели чёткого плана, шли рывками, приводили подчас к неожиданным результатам. Авторское предисловие завершается

* Liechtenhan F.-D. Pierre le Grand. Le premier empereur de toutes les Russies. P.: Tallandier, 2015. 688 p. Русское издание: Лиштенан Ф.-Д. Пётр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи / Пер. с фр. В.А. Бабинцева; под ред. Е.С. Зашихина, С.В. Соколова. М.: Политическая энциклопедия; Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2021. 567 с.

попыткой провести параллель между петровским временем и современной Россией, в которой Пётр I стал главным историческим героем. В России вновь наступила «переходная эпоха», когда приходится отвечать на вызов времени. В условиях враждебности западных стран не будет ли заменён император-реформатор в качестве идеала Иваном Грозным? — задаётся вопросом автор. Уточнения заметны на многих страницах русского издания (с. 71, 83, 112, 126, 134, 135, 159, 205 и др.). Дополнены сведения о сражении 1700 г. под Нарвой (с. 162), но указанная здесь численность шведского войска (23 тыс. человек) не согласуется с документами. Некоторые фрагменты, базирующиеся на сомнительных источниках или слишком резко указывающие на личные пороки царя, в русском издании опущены (р. 131–132).

Структура, содержание и выводы книги Лиштенан во многом обусловлены особенностями её источниковой базы. В значительной степени исследование основано на записках и донесениях европейских посланников. К привычному кругу источников автор добавила ряд имён дипломатов, оставивших оригинальные сведения о деятельности Петра I. Перенесение акцента с аутентичных русских источников на свидетельства иностранцев не создаёт ли источниковедческих проблем, заслуживающих специального рассмотрения? Впрочем, солидная историографическая база, включающая исследования на основных европейских языках, позволяет автору создать выверенную фактическую канву повествования. Среди трудов, на которые она часто ссылается, особое место по праву занимает монография немецкого историка Р. Виттрама².

Начальные главы книги, описывающие детство и юность Петра, могут показаться вполне традиционными. Лишь некоторые акценты выдают

взгляд иностранного автора: отмечая роль флота во втором Азовском походе, исследовательница вместе с тем заявляет, что прибытие иностранных военных специалистов «спасло ситуацию» и позволило овладеть Азовом. Специфика авторского подхода ярче проявилась в главах, посвящённых Великому посольству, где отчётливей выступают необыкновенные черты натуры царя (грубость, неразборчивость в сексуальных связях) и подробно представлен дипломатический контекст его пребывания в Европе. Лиштенан явно преувеличивает экспансионистские планы Петра I в отношении Турции, приписывая ему цель «навязать неверным» христианского правителя (с. 46). Возвращение царя в Россию ознаменовалось жестокими казнями, показавшими «трудно переносимую свирепость», свидетельствующую о «маниакально-депрессивном психозе» и эпилепсии. Замечу, что автор часто ставит диагнозы герою и так же легко и смело реконструирует ход его мыслей. Репрессии вместе с первыми преобразованиями ознаменовали конец древнерусской цивилизации. При этом ближайшей мишенью в борьбе со стариной стала Церковь. В главе о религиозной политике царя («Верующий антиклерикал») проявилось глубокое изучение автором судеб русского православия и его взаимоотношений с другими ветвями христианства. Хотя заявления, что «царь запретил почитание икон» и «отрёкся от права контроля за религиозной практикой русских» (с. 102, 103), едва ли справедливы.

Вторая часть книги называется «Война». Исследовательница утверждает, что Пётр I любил войну. Заметно, что автор-француженка описывает Северную войну «с нашей стороны», как войну, отвечавшую насущным интересам континентальной страны. Вместе с тем объявление войны Швеции и её идеологическое обоснование выявля-

ет главную для автора черту характера Петра I — злопамятность. Война упорно трактовалась царём как отмщение шведам за обиды, нанесённые лично ему во время посещения Риги в 1697 г. В истории войны на первый план у автора выступают не описания битв, а дипломатические сюжеты. При этом Пётр-дипломат характеризуется такими понятиями, как «всегдашний провокатор», «игра на двух досках», «двойной язык», «ловушка», «уловка», «лукавство», что, впрочем, характерно для «кабинетной» дипломатии Европы XVIII в. Глава, посвящённая событиям, предшествовавшим Полтавской битве, носит в оригинале название «Украина, принесённая в жертву». Правда, кто виноват в бедствиях украинцев — царь, гетман Мазепа или шведский король, — из авторского текста понять трудно. Как в дальнейшем заметила исследовательница, «в Северной войне назначение на роли жертвы и палача оставалось сомнительным» (с. 429). В описании Полтавской баталии Лиштенан вслед за Е.В. Тарле допускает существенную неточность, отмечая, что Пётр I лично помешал шведам прорвать строй батальонов Новгородского полка³. В конечном счёте Пётр I предстаёт в книге как великий полководец.

Следствием знаменитой победы стали новые завоевания побережья Балтики. По мнению французской исследовательницы, мирная интеграция прибалтийских провинций «являлась одним из крупных успехов правления Петра Великого» (с. 233). Новая столица — Петербург — по устоявшейся традиции выступает как «самый замечательный символ» петровского правления, но перенесение столицы на периферию государства Лиштенан считает ошибкой: «Окна в Европу он добился, но получил удушение Москвы — лёгких своей огромной империи» (с. 269). Исследовательница утверждает, что сам Пётр придумал легенду о чудес-

ных предзнаменованиях (парящий орёл и проч.), сопровождавших основание города. Однако создателем этого мифа был не царь, а его почитатель и первый биограф П.Н. Крекшин⁴. Автор несколько преувеличивает регулярный характер застройки города в петровское время: ни Невского проспекта, ни «прямолинейных улиц» (кроме части Васильевского острова), ни зданий из мрамора тогда ещё не существовало.

Экономическая политика Петра I характеризуется как колеблющаяся между «дирижизмом, меркантилизмом и либерализмом». Под «дирижизмом», вероятно, следует понимать российский вариант протекционизма. Отмечая традиционную ориентацию царя на крепостной труд, автор не отрицает социальных сдвигов, произошедших в петровское время и способствовавших частному предпринимательству.

Выстраивая новую модель государства, царь, по мнению исследовательницы, взял за образец прусское «полицейское государство» с его нацеленностью на подчинение жизни подданных высшим интересам. Однако спешка, мелочный контроль, коррупция делали государственную машину далёкой от совершенства и вызывали сбои: «исполнение наказаний изнурило даже самых садистских палачей» (с. 297). В своём стремлении преобразовать общество и государство, по мнению автора, царь забывал, что его представление о самодержавной власти было главным препятствием на этом пути. Церковные реформы не нарушали конфессиональную идентичность России, но в своей политике царь сближался с основами протестантизма (с. 326).

Сравнительно кратко и традиционно описав основные реформы Петра I в третьей части книги, Лиштенан возвращается к скрупулёзному исследованию внешнеполитических проблем в четвёртой части («Шахматная

партия в Европе»). В центре внимания оказывается второе европейское путешествие царя 1716–1717 гг. Союз («махинации») с герцогом Мекленбургским и ввод русских войск в Мекленбург автор считает серьёзной ошибкой Петра. Историк справедливо замечает, что союзники не хотели и боялись усиления России на севере Европы, но, кажется, не усматривает в этом причины отмены запланированного десанта союзников в южную Швецию. Едва ли справедлив её вывод, что пребывание царя в Дании «обеспечило подобие более крепкого согласия между союзниками» (с. 365). Напротив, отказ от десанта в Швецию поставил Северный союз на грань развала, что побудило Россию искать новых друзей в Европе в лице Пруссии и Франции. В книге Лиштенан внешнеполитическая деятельность Петра представлена в значительной степени глазами европейских дипломатов, и это приводит автора к выводу, что у русского царя была «интуитивная и спонтанная манера вести дипломатию, шокирующая иностранные правительства и коронованных особ» (с. 347). Визит в Париж, совершённый им в 1717 г., не мог не привлечь особого внимания французской исследовательницы. Однако некоторые утверждения автора, связанные с этим сюжетом, требуют уточнений. Так, субсидиарный франко-шведский договор подписал не регент Филипп Орлеанский, а Людовик XIV 3 апреля 1715 г.; самые ранние упоминания о решении Петра I отправиться в Париж относятся к 1717, а не к 1716 г.; во время посещения Парижской академии наук 19 июня (не июля!) не было избрания его в академию. Наконец, Пётр едва ли мог ассоциировать себя с дон Кихотом⁵. Нуждаются в критическом подходе и рассказы о его любовных авантюрах с парижскими «простолюдниками и проститутками». Автор называет подписанный по итогам ви-

зита русско-французский Амстердамский договор 1717 г. «торговым», однако на самом деле это был договор о политическом союзе, где лишь заявлялось о намерении заключить торговый договор (это намерение так и не осуществилось). Следует согласиться со сдержанной оценкой результатов парижских переговоров царя. К концу Северной войны в Европе всё чаще стали представлять Петра «ненасытным завоевателем». Однако тактика царя, сочетавшего мирные переговоры с карательными экспедициями на берега Швеции, привела к Ништадтскому миру — «гигантскому шагу вперёд» в упрочении международного положения России.

В центре внимания автора на протяжении всего повествования находятся самые разные проявления личности царя, его личная жизнь. Царь был неразборчив в любовных связях, оставаясь «заботливым мужем и любящим отцом, радеющим о легитимизации своих детей и обеспечении будущего своей “чухонской” жены» (с. 121). Вслед за французскими авторами XVIII в. современный историк развивает тему нетрадиционных сексуальных связей царя: «Со своим гомосексуальным темпераментом он не оставался равнодушным к прелестям слуги, солдата или офицера, не говоря уже о Меншикове» (р. 132). Надуманной выглядит авторская версия о связи царя с Абрамом Ганнибалом. Лиштенан подробно изложила перипетии дела царевича Алексея, вписав его в тонкости русско-австрийских отношений того времени. Осуждение Петром сына она характеризует как «расправу» и не сомневается в насильственной смерти царевича, чёрным пятном лёгшей на репутацию царя. Непомерный труд, распутная жизнь и пристрастие к алкоголю положили конец жизни великого реформатора. Следуя традиции французских авто-

ров, Лиштенау не сомневается, что непосредственной причиной кончины царя стали последствия «застарелой венерической болезни», усугублённые пристрастием к алкоголю, а «фатальной» для него оказалась крещенская купель на Неве.

Подводя итоги реформам Петра I, автор констатирует их половинчатость и незавершённость. По её словам, «Россия приобрела двойной облик, одновременно вестернизированный (в крупных городах) и погружённый в традиции предков» (с. 504). Крепостное право не позволяло «глубоко реконструировать страну». Вместе с тем в Россию пришло пусть и верхушечное Просвещение, она утвердилась как европейская держава и равноправный дипломатический партнёр. Однако царь сам затруднил прогресс русского общества, не позаботившись об образовании для простонародья, о создании «надёжной инфраструктуры», не обеспечив устойчивой преемственности власти. «Смерть Петра остановила страну на полпути между традицией и современностью» (с. 479). Французская исследовательница не задаётся старым вопросом о причинах и закономерности петровских реформ. Кажется, этот вопрос для неё решён: европеизация и секуляризация — это естественный путь России, оказавшийся для страны необычайно трудным. В петровское время он обернулся прогрессом, достигнутым через страдания народа (с. 454–455).

В заключении автор ставит вопрос: где и как родился миф о Петре I как о человеке прогресса, творце новой нации? Этот миф, утверждает она, «был русским продуктом». Сам Пётр присвоил себе титул «Великий», а дипломаты и путешественники укрепили данный «мираж» в европейском общественном мнении. По сути, Лиштенау подхватила идею А. Лортолари о «русском мираже», создаваемом на Западе⁶,

но инициатором и руководителем этого процесса она называет самого царя. Однако приведённые далее сведения о сочинениях Ж.Л. Боннака, Д. Перри, Х.Ф. Вебера не вполне подтверждают данную идею. Во-первых, эти записки иностранцев отнюдь не апологетичны по отношению к Петру, а тем более к России, во-вторых, они создавались не по указке царя. Сам Пётр I заботился о создании истории своего времени, но сочинения, прошедшие его обработку — в первую очередь «Гистория Свейской войны», — не выпячивали личную роль царя в событиях, рисовали его лишь добрым примером для своих подданных. Между тем французы едва ли не первыми применили к русскому царю формулу «творца». Уже в 1716 г. К.Н. Зотов после аудиенции у маршала и вице-адмирала д'Эстре писал царю из Парижа: «При мне господин маршал назвал ваше величество *творцом российского народа* (здесь и далее курсив мой. — С.М.), что может быть говорено в вашу государеву хвалу лутче сего»⁷. Эта идея приобрела законченный вид в похвальном слове царю Петру I Фонтенеля (1725): «Всё необходимо было делать заново в Московии, там нечего было улучшать. Речь шла о том, чтобы *создать новую нацию*; и то, что неразрывно с творением: действовать приходилось одному, без помощи, без инструментов»⁸. Сам же Пётр в 1721 г. несколько иначе интерпретировал эту идею: «Академии и школы *сочиняют новый народ и новый свет*, как мы во многих иных европейских нациях видим», а образование народа он почитал «единой из главных должностей» правителей⁹. Лиштенау завершает свою книгу вопросом: заслужил ли первый русский император титул «Великий»? Ответ на этот вопрос в книге остаётся открытым.

В своём масштабном повествовании автор не избежала отдельных фактических ошибок. Так, знаменитый

указ о ношении иноземного платья почему-то отнесён к 1698 г. (с. 293). Вопреки словам историка, Екатерина II не говорила Д. Дидро, что Пётр «писал свои реформы на спинах людей» (с. 298)¹⁰. На явном недоразумении основано утверждение автора, что в результате Астраханского восстания 1705–1706 гг. «три тысячи русских солдат убили десять тысяч астраханцев» (с. 188). Во-первых, указанное количество жертв едва ли не превышает тогдашнее городское население, во-вторых, известно, что после подавления восстания «всего колесовано, казнено и померло» 365 человек¹¹.

Восприятие книги зарубежного автора во многом зависит от качества перевода. В данном случае перевод В.А. Бабинцева в целом представляется профессиональным. Однако редакторы (Е.С. Зашихин и С.В. Соколов) могли бы избавить книгу от ряда неточностей и искажений, бросающихся в глаза читателю, знакомому с историей петровского времени. Так, «свейские (шведские) неправды» превратились в «светские неправды» (с. 158; р. 170), историк А.В. Шишов — в Сизова (с. 161). В рассказе о том, как в мае 1703 г. «30 русских кораблей захватили два шведских фрегата» (с. 174; р. 183) слово «bateaux» следовало бы перевести как «лодки», что прояснило бы суть неординарного события. В другом месте можно встретить странное утверждение, что отсутствие среднего класса, или буржуазии, «оказывало положительное воздействие на общество» (с. 310; р. 329). Для понимания авторской мысли слова «effet durable» следовало бы перевести как «долговременное воздействие». По недосмотру переводчика оказалось, что накануне Полтавы в Курляндии и в Риге шведы создавали военные магазины с припасами для «петровских» войск (с. 202; р. 209).

Книга Ф.-Д. Лиштенан обладает всеми качествами современного науч-

ного исследования и с точки зрения общих подходов к предмету, и с точки зрения солидной источниковой и историографической базы. Вместе с тем, это исследование продолжает традицию французской историографии Петра I с её интересом к личности реформатора и политическим сюжетам. Как и большинство её предшественников, начиная с Вольтера, Лиштенан видит в Петре I прежде всего человека с его достоинствами и недостатками и не считает русское самодержавие «естественной» формой правления.

Примечания

¹ Книги Ф.-Д. Лиштенан «Россия входит в Европу: Елизавета I и война за Австрийское наследство» (М., 2000) и «Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других» (М., 2012) переведены на русский язык. См. также: *Liechtenhan F.-D. Les trois christianismes et la Russie. Les voyageurs occidentaux face à l'Église orthodoxe russe XV–XVIII siècle.* P., 2002.

² *Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit.* Bd. 1–2. Göttingen, 1964.

³ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). СПб., 2009. С. 317–322.

⁴ *Мезин С.А.* Об авторстве сочинения «О зачатии и здании царствующаго града Санкт-Петербурга» // Феномен Петербурга. Труды Третьей международной конференции, состоявшейся 20–24 августа 2001 года во Всесоюзном музее А.С. Пушкина. СПб., 2006. С. 289–307.

⁵ *Мезин С.А.* Пётр I во Франции. СПб., 2017. С. 50, 58, 82, 209–214.

⁶ *Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle.* P., 1951.

⁷ РГАДА, ф. 9, отд. II, № 27, л. 96–96 об.

⁸ *Мезин С.А.* Пётр I во Франции. Приложение I. С. 272.

⁹ Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сборник документов. В 3 т. / Сост. Н.А. Воскресенский. Т. 2–3. М., 2020. С. 241.

¹⁰ *Мезин С.А.* Дидро и цивилизация России. М., 2018. С. 136–137.

¹¹ Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сборник документов / Подгот. Н.Б. Голикова. М., 2004. С. 380.